

III. Последний землепроходец

Искатель новых путей

Приятно было вернуться из холодного официального Петербурга в насквозь замороженный, но ставший родным Иркутск. Это был мир, который уже вошел в душу и вытеснил из нее прежний петербургский. Хотелось здесь жить, работать, путешествовать, надеяться на то, что жизнь в Сибири будет строиться все-таки по-иному, нежели в России европейской.

Еще в Петербурге созрело решение заняться исследованием сибирской природы. Он побывал в Географическом обществе, а в Главной физической обсерватории взял приборы для проведения метеорологических наблюдений и топографической съемки - термометры, барометры, буссоль; привез с собой, хотя этого ему никто не поручал.

Он добросовестно готовится к путешествию, изучая гербарий, собранный на Амуре русским географом Ричардом Мааком за 20 лет до него, коллекции горных пород Иркутского музея, отчеты Сибирской академической экспедиции. Большую помощь ему оказал полковник А. Х. Фитингоф, хорошо разбиравшийся в горных породах. Через много лет, в 1919 году Кропоткин вспомнит добрым словом этого пожилого скромного офицера, которому обязан был первыми знаниями по геологии, так пригодившимися вскоре. И еще Кропоткин встретился в Иркутске с опытным петербургским геологом Федором Богдановичем Шмидтом, немецким географом Рудольфом Бастианом, совершавшим кругосветное путешествие, в котором он собирал материал для своей книги «Человек в истории», а потом и с американским геологом итальянского происхождения Рафаэлем Пумпелли. По его совету Кропоткин послал в итальянский географический журнал заметку о Байкальском землетрясении 1862 года. Это была первая зарубежная публикация Кропоткина. Вслед за ней он поместил статью о наблюдении полярных сияний на Байкале в английском журнале «Nature»; позже появится публикация в немецком научном журнале. Таким образом, еще в 60-х годах Европа узнала о Кропоткине-географе.

По приезду в Иркутск Петр Алексеевич был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Вскоре Сибирский отдел Русского географического общества, созданный под покровительством Кукеля, избрал его действительным членом.

И вот ему дано первое серьезное поручение - организовать экспедицию в Маньчжурию. Ее цель секретная: разведать кратчайший путь между Забайкальем и Благовещенском через

китайскую территорию; «срезать» излучину Амура, благодаря которой расстояние удлинится не менее чем на шестьсот верст. Быть может, удастся потом договориться о строительстве дороги совместного русско-китайского пользования - так решило начальство, обеспокоенное тем, что скот, закупаемый у маньчжур для Благовещенска (до двух тысяч голов ежегодно) очень дорого обходится. Его выгоднее во всех отношениях приобретать у своих же казаков на юго-восточной границе Забайкалья. Удобная дорога для перегона скота через Маньчжурию позволит сэкономить казне около тридцати пяти тысяч серебром в год.

Из казаков-охотников был составлен торговый караван, а предводителем его назначен есаул князь Кропоткин, отправляющийся в путь под именем купца Петра Алексеева. Кропоткин не без удовольствия согласился сыграть роль купца теперь уже не в пьесе Островского, а в жизни.

«...Я поспешил воспользоваться таким прекрасным случаем ознакомиться с этим уголком земного шара, где не была еще нога европейца...», - вспоминал он впоследствии

Через Большой Хинган

Очень скоро холмистая степь по берегам притока Аргуни - реки Ган сменилась заросшими лесом предгорьями, и верст через сто путники вышли на дорогу к городу Мергену. Тут караван вступил в центральную часть горного массива Большой Хинган, ограниченного с востока пустыней Гоби. По мере подъема все более зелеными становились пади, по которым бежали ручьи в реки Малый и Большой Хайлар, образующие Аргунь. Кругом - тишина: ни людей, ни зверей. Место дикое, сумрачное. Но в общем-то, болота не такие топкие как в Тобольской губернии, - под заболоченным слоем кони находят твердую почву из песка и гальки.

Потом спуск, приведший в ущелье, в котором разместился ороchonский табор и остановились передохнуть солдаты-дауры, шедшие на границу. После короткого отдыха пошли веселее. Да и ландшафт резко изменился: «Исчез уже дикий характер гор западного склона: лиственница, сохраняясь еще на северных скатах гор, на южных уже уступала место более легкой, изящной зелени дубков, черной березы и орешника. Сперва деревья эти слабо заявляли свои права, появляясь кустарниками на солнцепеке, а потом уже заняли все скаты гор, оставляя только берега речек тальниковым, ивовым и тополевым кустарникам» ¹.

¹ Кропоткин П. А. Дневник. - М. - Пг., 1923. - С. 26.

Удивительно было, почему эти благодатные земли не использованы даурами для земледелия. Ответ дала сама природа. В начале июня перед самым восходом солнца хватил мороз. Все-таки горы...

Поднявшись на высокую пологую возвышенность, Кропоткин отобрал образцы вулканических пород, ранее не известных в этом районе. Здесь, на западном склоне лесистого хребта Ильхури-Алинь, обнаружались несомненные признаки вулканических извержений. Он увидел отчетливо выраженный вулканический конус, вокруг которого были

разбросаны куски лавы. Во всей Восточной Азии пока еще никто не находил потухших вулканов, и сам Гумбольдт, большой поклонник вулканизма, уверенно отрицал его в этой части Азии.

Почти десять лет назад немецкий географ просил Семенова (в будущем Тянь-Шанского) привезти с Тянь-Шаня образцы вулканических пород. Семенов не смог исполнить эту просьбу: вулканов там не оказалось. Кропоткин же отобрал в Маньчжурии более сотни геологических образцов. Сделано важное географическое открытие.

Через несколько дней стали попадаться одна за другой маньчжурские деревеньки. Это уже бассейн Амура.

Наконец из-за тальника блеснула река Нонни, приток Сунгари, с чистой, прозрачной водой. Доплыли до города Мергена. А там пологий, плоский берег весь заполнен народом, высыпавшим посмотреть на бородатых белолицых пришельцев с севера.

Необычайно живописной была эта толпа встречающих. От нее отделилась лодка, в которой прибыл чиновник, пригласивший купца Алексеева к китайскому амбаню (управителю) этого населенного в основном маньчжурами города. Встреча с ним произошла, правда, лишь на следующий день - он сам пришел в лагерь русских и милостиво разрешил торговлю. Она завязалась на всех углах Мергена, размерами с небольшой российский уездный городок.

Результаты были не так уж блестящи - все-таки заочно было трудно учесть все потребности мергенцев (откуда их было знать?). Но цель ведь не в этом. На другой же день под покровом темноты караван покинул Мерген, направившись по почтовому тракту на восток, к городу Айгун, расположившемуся на берегу Амура.

В результате похода удобная трасса для скотопрогонной дороги была найдена. Дорога будет проложена значительно позже, в конце века; маршрут Кропоткина используют при строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). А потом, в 1945 году, по его пути пройдут советские войска, преследуя отступающую Квантунскую армию.

Географическое общество России присудило молодому исследователю Дальнего Востока за хинганский поход - первую, по сути, его экспедицию - Малую золотую медаль. И в отчетном докладе на годовичном собрании Географического общества в Петербурге его глава П. П. Семенов высоко оценил экспедицию, назвав ее «героической».

«Теперь дорога проложена; остается только пожелать, чтобы по ней ходили каждый год: тогда можно будет надеяться, что дорога всего в 650 верст до Цурухайтуя от Благовещенска, которую мы с обозом и табуном прошли в 16 дней без труда, - чтобы эта дорога, говорю я, не заглохла, а всегда была доступна...» ¹

¹ Там же.

Вверх по Сунгари - в Китай

Когда в начале августа 1864 года брат Александр, наконец, приехал в Иркутск, Петра в городе не было. Он получил назначение в экспедицию, организованную генерал-губернатором М. С. Корсаковым на пароходе «Уссури» с целью исследования возможности судоходства по реке Сунгари и использования ее как торгового пути.

С тех пор, как Петр принял самостоятельное решение и отправился на восток, невзирая на отговоры абсолютно всех, даже самого близкого ему человека - брата Саши, он стал быстро меняться - взрослел, становился более уверенным, независимым. У него была цель. Она его окрыляла.

Иное дело Александр. Совсем недавно еще наставлявший брата, он жалуется теперь: «Я до того далеко отстаю от идеала, который живет во мне, что больно... Бессилие мешает мне даже стать просто порядочным человеком, трудовым человеком на личную пользу».

Братья как бы меняются местами. Теперь Петр успокаивает Сашу: «Ты смотришь на себя неверно... ты честная, благородная душа, что бы ты там ни толковал... Знаешь ли ты, сколько раз ты будил меня этим, знаешь ли ты, что ты меня плакать заставлял, заставлял оглядываться на самого себя? Что ты меня делал лучше!...»

Петр особенно настойчиво зовет брата приехать в Иркутск как можно быстрее. Но он медлит, ссылаясь то на отсутствие денег на дорогу (отец упорно отказывает в помощи), то на работу над большим философским трактатом «Бог перед судом разума». Александр Кропоткин задумал его как научное обоснование атеизма, включив в это сочинение главу поистине всеобъемлющую: «Общее описание мира». Одновременно он заканчивает под влиянием только что появившейся книги Дарвина большую рукопись «О происхождении видов» и посылает ее Петру.

Когда Александр прибыл в Иркутск, ему представилась возможность познакомиться с Сибирью в лучшее время года, летом. Но все же она его не очаровала так, как Петра два года назад. В дневнике он отметил: «Да, неприветлива Сибирь. Здесь невозможен комфорт (в благородном, цивилизованном смысле этого слова)». Александр с иронией воспринял Иркутск и его музей, в котором с таким удовольствием работал Петр. Они встретятся позже, а сейчас Петр плывет по реке Сунгари, крупнейшему притоку Амура...

Прямая цель этого рейса - дипломатическая: нужно отвезти дружеское послание генерал-губернатору провинции Гирин с целью налаживания добрососедских отношений и оживления приграничной торговли. Дипломатическую миссию выполнял ургинский консул, а сопровождавшие его лица - председатель Сибирского отдела географического общества Арсений Федорович Усольцев, два топографа, доктор А. Н. Конради и Петр Кропоткин в качестве историографа - должны были заняться исследованием реки, протекавшей в краях, совсем еще неизвестных. Надо было нанести ее на карту и провести обычный в те времена комплекс исследований: собрать образцы горных пород, гербарий, выполнить метеорологические наблюдения.

Нащупать фарватер на «нехоженой» реке было не так просто, и много раз небольшой пароход буквально «царапал дно», продвигаясь чрезвычайно медленно. Только после

слияния с притоком Нонни река стала полноводнее. Через несколько недель на рейде Гирина был брошен якорь. Маньчжурские власти, однако, отнеслись с подозрением к визиту из соседней страны переодетых, как они догадались, военных.

Укрепление дружеских связей, пожалуй, так и не было бы достигнуто, не случись неожиданное: разворачиваясь, чтобы идти обратно, пароход сел на мель. Власти, опасавшиеся, как бы русские не остались зимовать, прислали на помощь команду в двести человек. Китайцы залезли в воду и приготовились объединить свои мускулистые силы, чтобы освободить плененный корабль. Вдруг один из русских - им был Кропоткин - тоже соскочил в воду, схватил багор и сильным красивым голосом затянул «Дубинушку». Китайцам это необыкновенно понравилось. Все дружно взялись за дело и быстро сдвинули с мели проход. Совместный труд под пение «Дубинушки» сделал то, чего не достигло официальное послание. С простым народом были установлены самые теплые отношения. Это был опыт «народной дипломатии» - в обход бюрократии. Такими же дружескими встречами сопровождался весь обратный путь парохода.

Поход был закончен, и 18 января 1865 года Кропоткин доложил о его результатах на заседании Сибирского отдела РГО, думая уже о новой экспедиции.

В Саяны

В начале 1865 года в Иркутск пришел очередной номер петербургского журнала «Северная пчела». Прошлогодний, но для иркутян - свежий. И все обратили внимание на заметку о грандиозном водопаде на сибирской реке Оке, который, впрочем, сам автор статьи не видел, но предполагал, что это самый большой в мире водопад: вода падает со скалы высотой сто сажень.

На одном из заседаний Сибирского отдела Географического общества порешили отправить в Саяны, в Тункинскую котловину, небольшую экспедицию во главе с Кропоткиным: узнать, существует ли сей водопад, измерить высоту падения воды в нем, составить подробное описание, а заодно осмотреть и сделать точные рисунки древних надписей на береговых скалах над Окой, которые видел там сотрудник Сибирского отдела РГО.

В этих краях уже побывал англичанин Томас Аткинсон, архитектор и живописец, построивший знаменитую готическую церковь в Манчестере. В Англии вышли две его книги о Сибири, но о гигантском водопаде в них - ни слова.

Отдел отпустил на поход около 100 рублей. Предполагалось, что поездка займет месяца полтора, но все были уверены, что наблюдательному Кропоткину этого времени хватит для того, чтобы увидеть немало нового и интересного. Не сомневался и сам путешественник, окрыленный успехом маньчжурской экспедиции.

И вот в путь! К Байкалу, а потом на юг. И с первого же дня - внимание ко всему, что встречается на пути, будь то горные породы, деревни и их жители, занимающиеся в Прибайкалье хлебопашеством, сбытом пеньки и лесосплавом. В непроходимых

лиственничных лесах, покрывающих заваленные камнями довольно плоские вершины гор, по долинам ручьев и у берега Байкала в середине мая еще цветет багульник; здесь прохладней, чем в Иркутске - с гор и с Байкала постоянно дует холодный ветер.

Болотистая падь приводит к небольшому хребту, за ним - ручей Ильчи, на который стоит обратить особое внимание. Здесь побывал географ Меглицкий и предположил, что именно в верховьях реки Иркут был некогда исток Ангары, вытекающей ныне из Байкала.

Но у Кропоткина, внимательно всматривающегося в окружающий ландшафт, хранящий тайны далекого прошлого, возник вопрос: а не впадала ли река Иркут гораздо раньше, чем образовался исток Ангары из Байкала, прямо в озеро? Уже потом Иркут промыл себе русло в ущелье Ильчи, «отвернулся» от Байкала и стал впадать в Ангару - город Иркутск как раз расположился в месте слияния двух рек.

Очень странным, неестественным показался излом теперешнего Иркуты у впадения в него ручья Ильчи. Распределение пород в речных долинах и их высотное положение тоже заставляет усомниться в том, что Иркут был истоком Ангары. Кропоткин сделал, наконец, свое предположение, которое будет подтверждено только через много лет: Иркут действительно некогда впадал в Байкал и не был истоком Ангары.

За Иркутом, через который переправили экспедицию буряты, расположилась Тункинская котловина, окруженная цепью овальных холмов. В одном из них - подобие вулканического кратера. Кропоткин спустился по веревке в кратер-пещеру с ледяным полом. Во льду - изобилие газовых пузырьков. Итак, снова вулкан. В том районе, где его, по представлениям геологов, быть не должно. Несколько десятилетий спустя этот вулканический конус в Саянах получил имя Кропоткина.

Все беднее и беднее становится растительность вверх по Иркуту, и с заснеженного перевала открывается высочайшая в этих горах вершина Мунку-Сардык. Кропоткин измерил на ее склоне высоту снеговой линии. В Саянах этот важный показатель был получен впервые.

Как жаль, что нет времени как следует поработать в верховьях Иркуты! Геолог, который придет сюда специально и потратит несколько месяцев на изучение этих мест, обнаружит много любопытного.

Выйдя на водораздел между Иркутом и Окой, образованный куполовидным горным массивом Нуху-Дабан, будущий создатель ледниковой теории впервые встретился с до блеска отполированными скалами, изрезанными параллельными царапинами. И тогда возникла мысль, которая не будет оставлять его долгие годы: не следы ли это некогда двигавшихся по здешним долинам ледников, исчезнувших несколько тысячелетий назад?

На Кропоткина большое впечатление произвела книга английского физика Дж. Тиндаля «Альпийские ледники», только что появившаяся на русском языке. В ней речь шла о том, что горные ледники когда-то были длиннее, выходили на равнины. Слышал он и о швейцарском ихтиологе Аггасице, увлекшимся альпийскими ледниками. Находя валуны из горных пород далеко на равнине, он предположил, что льды занимали в прошлом громадные

пространства низменностей. С ним не соглашались многие авторитеты в геологии и географии. Знаменитый английский геолог Чарлз Лайель считал, например, что валуны разнесены на большие расстояния плававшими в обширном холодном море льдинами. Это - «дрифтовая» гипотеза. Кропоткину она казалась сомнительной.

Гораздо легче было бы разобраться во всем этом, если бы довелось увидеть хоть один настоящий современный ледник, из тех, о существовании которых рассказывали в Географическом обществе в Петербурге Петр Семенов и Николай Северцов, путешествовавшие в горах Туркестана. Там, на Тянь-Шане, определенно было замечено, что в прошлом уровень снеговой границы понижался. Наверное, и в Саянах можно установить то же. Но нет времени на экскурсию к далекому Мунку-Сардыку, со склонов которого спускаются ледники.

На водоразделе, за полосой горной тундры - страна альпийских озер. Похоже, что уровень воды в них значительно понизился со времени их образования, и они продолжают высыхать. Не общее ли это явление для Центральной Азии, а может быть, и для всего северного полушария? И эта мысль, впервые возникшая в саянской экспедиции, будет развита Кропоткиным в последующих его работах.

На вершине гольца Бутогол расположился Алиберов графитовый прииск. Как раз в год рождения Кропоткина, в 1842-м, крестьянин Кобелев добыл там и доставил на Иркутский солеваренный завод тридцать пудов графита, который был смешан с известняком и песком, и на Тельминской фабрике его признали негодным для производства огнеупорных горшков. Но француз Алибер, понимавший, что графит незаменим для карандашей, купил прииск за триста рублей и в 1847 году начал его оборудовать по всем правилам. Суровые природные условия победили французского предпринимателя, и вот теперь, через 18 лет, Кропоткин нашел прииск совсем заброшенным.

Впрочем, для него предприятие Алибера оказалось бесполезным. Метеостанция, устроенная на вершине гольца при строительстве прииска, получила ценные сведения о температуре воздуха и направлении ветра на высоте 2100 метров - едва ли это не первые данные в России с такой высоты.

Наконец, показался среди гор Окинский караул: ветхая казарма, окруженная развалившимся частоколом, амбар и часовня. Жили здесь четверо служилых казаков и две семьи промышленников, поселившиеся несколько десятков лет назад. А вот и надписи клинообразно-сердцевидной формы на известковом утесе, сделанные красной и малиновой краской. Они свидетельствуют о том, что люди жили в верховьях Оки с незапамятных времен. Так появилась археологическая страница будущего отчета: рисунки со скалы перешли в полевую тетрадь. Рядом с ними - зарисовки каких-то старинных построек из валунов. Описание быта кочевников Саян, их одежды, домашней утвари, обычаев составило этнографический отдел отчета.

Недалеко от селения - водопады. Но, конечно же, не те, о которых читали в газете. Легенда о «Саянской Ниагаре» была развеяна. Высота стены, с которой низвергается вода в Оку, - не более десяти метров. И струя не внушительная: едва наполнит в полминуты

сорокаведерную бочку.

Возвращаясь в Иркутск, Кропоткин прошел по долине Оки до Зиминского, богатого села, обязанного своим благосостоянием чайной торговле с Китаем. Раскинулось оно при впадении реки Зима в Оку (ныне город Зима). Описание Зиминского - последний аккорд экспедиции. Продолжалась она недолго, но результаты ее значительны и разнообразны. Это признали коллеги по Сибирскому отделу Географического общества, перед которыми в конце года Кропоткин выступил с отчетом.

Через три года отчет о походе в Саяны опубликовал в Иркутске Сибирский отдел Русского географического общества. А Кропоткину предстояла еще одна экспедиция в Сибири.

Три тысячи верст по горной тайге

Одним из первых очагов освоения природных богатств Сибири стал в середине XIX столетия район Ленских золотых приисков. Еще в 1849 году начали работать Спасский и Вознесенский прииски. А с 1863 года Ленское товарищество приступило к эксплуатации россыпных месторождений в долине реки Ныгри. В этом же году было обнаружено золото в бассейне Витима, правого притока Лены. Добыча золота непрерывно расширялась. И скоро на приисках в летнее время стало скапливаться до нескольких тысяч рабочих. Однако снабжать всем необходимым этот удаленный район было трудно. Скот, например, приходилось гнать через непроходимую тайгу и болота из Якутии, с Вилюя, где его и так было мало. Гораздо удобнее был бы путь с юга - из южно-забайкальских степей. Обеспокоенные золотопромышленники обратились в Сибирский отдел Русского географического общества с просьбой о помощи в изыскании к приискам пути, которым можно было бы доставлять скот и товары, и пожертвовали на это изрядные суммы.

Топограф А. Ф. Усольцев первым прошел с глазомерной съемкой через обширную и очень сложно устроенную горную страну, преграждавшую путь на север. Он впервые сообщил о монолитном и величественном хребте Кодар. Через узкие его ущелья эвенки вывели Усольцева в Чарскую котловину. Но маршрут Усольцева обогнул прииски с востока, а главное, он оказался очень трудным, непроходимым для больших караванов.

Было предпринято еще несколько попыток проникнуть к приискам, но все были неудачными и, как писал потом Кропоткин, способствовали тому, чтобы удерживать от дальнейших попыток. Тем не менее Кропоткин, уже зарекомендовавший себя как хороший организатор научных походов, охотно принял предложение промышленников, которое давало ему возможность совершить путешествие в не исследованную пока область Сибири.

Экспедиция получила название Олекминско-Витимской, поскольку прошла через горную страну, образующую водораздел притоков реки Лены - Витима и Олекмы.

К отряду был прикомандирован топограф В. И. Машинский для проведения глазомерной съемки. Он освободил, таким образом, Петра Алексеевича от «геогностических исследований», как тогда говорили. По инициативе Кропоткина в экспедицию включили

молодого (ему тогда было всего 19 лет) учителя Иркутского военного училища Ивана Полякова, свои первые шаги в науке сделавшего под руководством Кропоткина. Золотопромышленники с научным составом согласились, присоединив к нему еще скотопрогонщика П. Чистохина с двумя бурятами, чтобы запомнить путь, который будет найден. Кроме того, в отряде - два вожака-тунгуса и 4 конюха - всего 13 человек. Под вьюками (из которых главную тяжесть составляют 67 пудов сухарей) идут 30 лошадей и для них 9 запасных - всего 52 лошади.

Проанализировав имевшиеся крайне скудные материалы, Кропоткин решил идти не с юга, а с севера - напрямую через гольцы к устью реки Муя, а не огибать огромную горную территорию, как это пытались сделать его предшественники. Этот путь Кропоткин выбрал, познакомившись с примитивной «картой», нацарапанной на бересте эвенком Павлом Максимовым, вобравшей, быть может, вековой опыт таежных кочевников. Они ходили этим путем. Значит, пройти можно.

Кропоткин решил, что экспедиция должна непременно иметь научные результаты, поэтому взял с собой барометр и термометры, горный компас, буссоль, шагомер. Поляков запасся ружьем и всем нужным для изготовления чучел птиц и зверей, собирания насекомых и растений. Продовольствием и лошадьми обещали обеспечить золотопромышленники на своей «резиденции».

Кропоткин выехал из Иркутска 9 мая 1866 года, а на следующий день вся экспедиция собралась на берегу Лены, в селе Качуг. Здесь погрузились в плоскодонную большую лодку - паузок, на котором основная группа медленно поплыла вниз по Лене.

Кропоткин с Поляковым, с первого же дня начав исследование берегов, сначала плыли в почтовой лодке, используя частые остановки для осмотра обнажений горных пород и сбора геологических образцов. Кропоткин внимательно присматривался к немногим прибрежным поселениям. Русские крестьяне, несмотря на неблагоприятные условия, освоили хлебопашество на берегах Лены, используя как подспорье скотоводство, охоту и рыболовство. Кропоткин исследует этнографию, экономические связи и хозяйственный уклад бурят и эвенков, населяющих долину Лены. И ухитряется еще работать над переводом с английского «Геологии» Дж. Пэджа, который они взялись сделать вместе с братом.

Геологические исследования берегов Лены были очень важны. Мнения Меглицкого и Миддендорфа относительно возраста песчаников, слагающих берега Лены, сильно расходились - на десятки миллионов лет.

Решив выяснить истину, Кропоткин начал с добросовестных, очень детальных описаний обнажений пород. Известняки Миддендорф считал более молодыми, чем красноцветные песчаники. Но Кропоткин установил, что это не так - известняки подстилают красноцветы, они, несомненно, древнее. Он обратил внимание и на новейшие образования ленской долины, которые могли бы помочь выяснить вопрос о ледниковом периоде в Сибири, а также на следы обитания первобытного человека по ее берегам. «Издавняя заселенность Азии, обилие пещер в ленских известняках - все заставляет думать, что в них могут

встретиться факты для разъяснения темных вопросов о временах младенчества человеческого рода», - напишет он в отчете об экспедиции.

Диапазон интересов, проявившихся у Кропоткина в самом начале Олекминско-Витимской экспедиции, очень широк: от геологии до антропологии. Он регулярно ведет метеорологические наблюдения, а кроме того, собирает сведения по этнографии и экономике.

В последние дни мая вся экспедиция собралась в Крестовской резиденции Ленского товарищества. Сформированный здесь вьючный караван из полусотни низкорослых якутских лошадей за восемь суток прошел по таежной тропе около трехсот верст и пересек бассейн реки Большой Патом. Кропоткин назвал эту довольно мрачную местность Патомским нагорьем.

Горная страна, сложенная известняками, поверх которых разбросаны явно «инородные» валуны, снова обратила мысль Кропоткина к далекому ледниковому периоду. Он находил немало следов древних ледников и в районе приисков, где рабочим приходилось взрывать валуны, мешающие разрабатывать шахты. Их слагают породы, не встречающиеся в долине. Несомненно, что принесены они с дальних гор. Какими силами?

Ни реки, ни морские течения, ни плавучие льдины не могли этого сделать. Только ледники. Древние, уже исчезнувшие, которые покрывали некогда большую часть Восточной Сибири. В одном из писем к брату Петр сообщает: «...Писал, между прочим, опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространились на Азию?»

Чтобы судить о климате прошлого, надо знать современные климатические условия. Пока о климате Сибири практически нет данных. Но вот оказалось, что на Вознесенском прииске его управляющий на протяжении восьми лет ведет наблюдение температуры воздуха и направления ветра.

День и ночь, не разгибаясь, Кропоткин переписывал данные этих наблюдений, а потом сравнил показания термометра со своим, точным, ввел в данные поправки и снабдил нового наблюдателя, которым стал местный врач, подробной инструкцией. Особое внимание он просил обратить на направление ветров, на связь с ним температур воздуха. Он собирался проверить свои предположения, возникшие еще во время экспедиции в Саяны, о переносе в Сибирь теплого и влажного атлантического воздуха на больших высотах. В нем он видел причину характерной для Сибири зимней инверсии температуры воздуха, когда при подъеме в горы становится теплее.

2 июля экспедиция вышла с Тихоно-Задонского прииска и углубилась в тысячеверстную тайгу, имея с собой лишь берестяной рисунок эвенка.

За рекой Вача в светло-лиловом тумане выступили скалистые горы Ленско-Витимского водораздела. Медленно караван взобрался на вершину мрачного горного массива, сложенного глубинными кристаллическими породами и укутанного непроглядной вековой тайгой.

Витим широко разлился после весеннего снеготаяния и дождей, и переправа была нелегкой - два дня ушло на нее. С большим трудом перевели на другой берег лошадей. А там пошли прямо на юг, пересекая монолитный, почти нерасчлененный, суровый и неприступный хребет, названный Кропоткиным Северо-Муйским.

Каждый день - тяжелые переходы: то в гору, то вниз - в долину. Шли медленно. Кропоткин то и дело останавливался, записывал, зарисовывал, ехал дальше и продолжал думать, покачиваясь в седле.

Наледи, часто пересекавшие ручьи Патомского нагорья, оказались самым серьезным препятствием на пути. Лошади скользили по облизанному водой льду. Лучше было спускаться в холодную до судорог воду, чем карабкаться по этим миниатюрным ледникам.

Переход, занявший четыре месяца, был нелегким. Пересекли обширную горную территорию, очень сложно устроенную. Отдельные элементы ее, на первый взгляд совсем не связанные друг с другом, оказались единой горной страной, которую Кропоткин назвал Олекминско-Витимской.

Спустившись с Южно-Муйского хребта, двинулись по болотистой равнине Витимского плоскогорья. К югу растительность становилась менее угнетенной, она как бы расправлялась. Видимо, связано это с постепенным уменьшением заболоченности. В низкорослом березняке появились отдельные могучие экземпляры лиственницы, прочно укоренившейся в тонком слое талой почвы над плитой вечной мерзлоты. Но вот болота сменяются забайкальскими степями, склоны холмов становятся суше, обнажаются от леса, широко расстилаются луга, пересекаемые неглубокими прозрачными речками.

На этот участок маршрута уже была карта, но если ей верить, на пути должна была бы встать могучая стена Станового водораздела. Решив, что хребет пересекает весь материк, казаки-землепроходцы, открывавшие в XVII веке Сибирь, назвали его «Необходимым Камнем». Однако Кропоткин установил: «Станового хребта не существует и этим громким именем называется размытый водами уступ, которым обрывается плоскогорье в долину реки Читы»¹. Лишь очень небольшим повышением (чуть больше тысячи метров над уровнем моря) отмечен водораздел между водами Северного Ледовитого и Тихого океанов. И хотя Кропоткин не видел восточного продолжения Станового водораздела, интуиция его не обманула. Гигантского червеобразного хребта от Монголии до Чукотки, нанесенного на карту первыми землепроходцами, не существует.

1 Зап. РГО. СПб, 1873, т. 3, С. 406.

8 сентября внушительный караван - более полусотни лошадей - вошел в Читу. Путь для прогона скота из бурятских степей на Олекминские прииски был найден. Через тридцать лет появился проект использования этой трассы для строительства железной дороги Бодайбо - Чита, а уже в конце XX века начались изыскания по строительству автомобильной дороги из Бодайбо на станцию Таксимро Байкало-Амурской магистрали.

Если проект осуществится, дорога частично пройдет по пути кропоткинской экспедиции 1866 года.

Но главный, важнейший итог этого путешествия для Кропоткина был в том, что оно помогло ему найти ключ к общему строению гор и плоскогорий Восточной Сибири. «Нашей главной задачей было пройти, - писал Кропоткин. - А удастся собрать богатый научный материал или нет - это был уже вопрос второстепенный... Впрочем, кое-что, не лишенное интереса, удалось-таки собрать; важно уже то, что нам удалось заглянуть в этот неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину» 1.

1 Там же.

«Кое- что» -это глазомерная съемка на протяжении 3000 верст, позволившая существенно исправить карту обширной территории, около 400 «сроков» метеорологических наблюдений, включавших в себя измерение атмосферного давления, температуры воздуха, направления и силы ветра, облачности, состояния атмосферы; это описание геологических обнажений на берегах Лены и разрезов ледниковых отложений на Патомском нагорье, в районе Ленских приисков и на Витимском плоскогорье; это зоологические сборы И. С. Полякова: 40 видов млекопитающих и 107 видов птиц; это, наконец, оригинальные идеи и обобщения, изложенные в необычайно обширном «Отчете об Олекминско-Витимской экспедиции», который будет издан через семь лет.

Результаты экспедиции произвели большое впечатление на географов, признавших в молодом князе-есауле своего коллегу.

А пока «герой похода», неожиданно показавший удивительные способности полевого работника-естествоиспытателя, думал над тем, чтобы расстаться с Сибирью, может быть, лишь на время. Его не покидала мысль о том, что нужно продолжить учебу в университете: пока он считал себя самоучкой. К тому же его все меньше удовлетворяло положение военного чиновника. Оно, хотя и предоставляло возможность заниматься исследованием природы, но не освобождало от таких обязанностей, которые расходились с заложенными с детства демократическими убеждениями.

Конечно, он не предполагал, что уже очень скоро покинет Сибирь. Но произошло событие, ускорившее принятие решения.

Прощание с Сибирью

Осенью 1866 года совершили побег ссыльные поляки, работавшие на строительстве Кругобайкальской дороги. Туда сразу же направили войска - отряд под командой полковника Лисовского. Мысль о том, что могут послать его, и он, как офицер, вынужден будет подчинится, мучила Кропоткина. Он написал брату с прииска Серафимовского; когда экспедиция приближалась к Чите: «Здесь мы узнали о польском возмущении за Байкалом, отряд Лисовского у меня как бельмо в глазу, тебя не посылали ли? Скверность могла выйти. Этакая мерзость» 1. К письму он сделал приписку: «...прочи циркуляр царя о нигилистах, - мешкать дольше нельзя, авось пригодимся на что-нибудь» 2. Циркуляр предписывал «выкорчевывать» распространившиеся среди молодых людей критические, нигилистические настроения.

1 Переписка... Т. 2. - С. 199-200.

2 Там же.

В России термин «нигилизм», предполагающий отрицание привычного, общепринятого, получил распространение после появления в 1862 году романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Нигилистами стали звать всех, кто высказывал какие-либо критические суждения в отношении существующего порядка вещей, отказывался от суеверий, предрассудков и лицемерия, преклоняясь перед одним авторитетом - разумом. Принципы нигилистов - предельная искренность, неприятие лжи, пропитавшей общественную жизнь.

Противоречие между действительностью и идеалом больно ранило души молодых людей. Достижения науки в то же время демонстрировали безграничную силу человеческого ума. И появилась вера, столь же неистовая, как и вера в Бога, в то, что силой своего ума человек может привести действительность в соответствие с идеалом, освободив униженных и обездоленных от всего, что мешает им быть равными людям благополучным и счастливым. Через 70 лет философ Н. А. Бердяев оценит это как «вывернутую наизнанку православную аскезу...»

Представление в том, что мир нужно исправить - тоже из религии («мир во зле лежит, в грехе»). Отсюда и высокие нравственные требования, предъявлявшиеся нигилистами к себе, неприятие разрыва между мыслью, словом и делом. В этом смысле братья Кропоткины, отказавшись от армейской службы, поступили как нигилисты.

Александр, выйдя в отставку, сразу же уехал, а Петр остался до весны, чтобы закончить свои географические дела и выступить с отчетом об экспедиции на заседании Сибирского отдела Русского географического общества.

Весной 1867 года он попрощался с Сибирью, оставив Иркутску «на память» еще одну свою работу: вместе с инженером Зотиковым Кропоткин изготовил сейсмограф и перед самым отъездом провел его испытание. Вся гарнизонная артиллерия прошествовала мимо здания Сибирского отдела, производя «сотрясение почвы», зафиксированное новым прибором. Этот прибор оказался совершенно необходимым Иркутску, уже однажды сильно обеспокоенному землетрясением на берегу Байкала в канун 1862 года.

В пасхальную ночь, под гром праздничной пушечной пальбы, переехал Кропоткин Ангару по еще прочному льду и выехал на Московский тракт. Сибири было отдано почти пять лет жизни и, как он признает потом, лучших лет. Прежде всего он стал профессиональным исследователем природы.

Сибирь дала Кропоткину понимание жизни и, что особенно важно, как жизни природы, так и жизни общества. Становление этого понимания обнаруживается прежде всего в письмах к брату, самому близкому человеку.

П. А. Кропоткин

Из писем брату Александру

Благовещенск, июнь 1864 г.

“ Только что я приехал сюда, как получил твое письмо, пересланное мне из Иркутска. Надеюсь, что и между моими не будет большого промежутка. 1 июня я был уже в Айгуне, это китайский город на Амуре, в 30 верстах от Благовещенска. Путешествие кончено, и кончено так удачно, как никто из нас и не думал...

Прошли мы очень хорошо, препятствий никаких, китайские власти даже слишком много чести оказывали... Ехали мы нескоро - верст по 30-40 в день. Поднимались со светом, ехали шагом. Я все время делал глазомерную съемку, т. е. буссолью определял направление пути, а часами число пройденных верст, и на каждой точке зачеркивал на скорую руку, на глаз нанося окрестную местность... Из всего составитя самая приблизительная карта пути, которая кое в чем поправит карты, ныне имеющиеся. Кроме того, я собирал камни в тех местах, где были обнажения горных пород. Конечно, я бы мог собрать гораздо больше того, что я собрал, если бы не делал съемки и мог бы больше отлучаться от дороги. А то доводилось брать то, что на дороге попадалось. Собрал около 120 экземпляров горных пород, которые с подробным каталогом, может быть, дадут возможность составить геологический обзор местности. Кроме того, подтвердилось существование потухших вулканов, вопреки теории их приморского происхождения; предполагалось, что их нет внутри материка. Теперь я наверно утверждаю, что они есть в Ильхури-Алине (хребет, параллельный Амуру). Меня поразила первая сопка; взгляделся - вулкан, отрезной конус с кратером, ныне рассыпающимся, на одной стороне от прорыва набросаны камни; я подъехал - вулканический туф. Везу образцы. К сожалению, о растительности могу сказать очень немного, а гербарий собирать нельзя было...

Николаевск-на-Амуре, июль 1864 г.

“ Хотя это письмо я сам повезу с почтой до Хабаровска, но пишу потому, что хочется писать, хочется сказать тебе приятные новости...

«Вы историограф Сунгарийской экспедиции». Я от души поблагодарил Корсакова за это назначение, мне так хотелось на Сунгари. Я еду. Корсаков не едет - и отлично, торопить не будет. Едут астроном, топограф, переводчик и один полковник. Я выучусь делать определение широты и долготы. Буду собирать, что могу, вероятно - немного, так как пойдем на пароходе...

Какая досада, что я не застал Корсакова в Благовещенске! Я побывал бы в море, сходил бы на остров Сахалин. Жалко, но авось не уйдет. Зато нас

весело покачало при входе в Николаевск, пароходишко маленький, так и прыгает, но стоять все же было можно.

Иркутск, февраль 1856 г.

“ Дела идут по-старому, интересно было только одно обстоятельство - на прошлой неделе,- это знакомство с американцем*, который был здесь проездом в Америку из Китая. Славный господин, я познакомился с ним у Аносова. Через пять минут мы шли вместе в Отдел просматривать собранные мною горные породы. К сожалению, оказалось, что едва ли по ним можно составить себе понятие о геологическом строении страны,- вероятно, что все это - жилы, проходящие сквозь самые породы. Не может же быть, чтоб на пространстве 700 верст были все гнейсы, граниты да порфиты. Таким образом, американец не нашел ничего в подтверждение или отрицание своим предположениям об маньчжурском каменноугольном бассейне. Только маленькое сомнение в его существовании. А ему это интересно, так как он проехал южную окраину Гоби на довольно значительном протяжении, а у меня восточная.

На другой день мы были у Аносова. Американец показал мне карту Китая, по которой шел, напечатана эта карта в Пекине, - очень интересные вещи о водных путях показывает карта. Только неизвестно - правда ли. Опять поразила нас несметная масса работы, к которой способны эти люди. Это сети карт и геологических профилей, сделанные в 87 месяцев, которые он прожил в Пекине. Наконец, сколько ему сделали по его указанию! Один китаец перечитал 8000 томов Государственной географии, чтоб извлечь оттуда показания о минералах Китая. Потом свел все это в общую карту. Часа полтора резали мы по полу на корточках, наконец кончили, уложили все. Пустились в разговоры. Дошло и до Юга и Севера¹. С увлечением стали говорить. Семь лет не был дома, теперь приедет и прямо на войну, говорит он, и, конечно, думает, что северяне выиграют...

1 Имеется в виду Гражданская война в США 1861-1865 гг.

Крестовская резиденция, июнь 1866 г.

“ Ну- с, господа, добрались мы до Крестовской, кончили, следовательно, плавание. Мы здесь уже четыре дня, а я почти не выхожу из дома, раз только ходил до ближайших обнажений, - все сидел и писал. Настроил листах на трех письмо в (Сибирское) отделение (РГО), исправил остатки Пэджа и написал на 6-ти листах письмо для «Биржевых ведомостей»...

Читал я о книге Кинэ² об революции. Вопрос очень важный, насколько революция может считать себя вправе прибегать к безнравственным мерам.

Что последнее нравственность должна осудить, хотя бы оно делалось во имя самых нравственных начал, по-моему, бесспорно...

2 Имеется в виду книга Эдуарда Кине «Революция», в которой французский историк размышляет над тем, почему революции обычно не приводят к торжеству идеала свободы.

Безнравственные поступки деморализуют само общество... Но с другой стороны, если принять только нравственные меры, как единственно позволительные во время революции, возможна ли будет какая-либо вообще революция когда-либо? Ведь там сила. Как же ты силу поборешь иначе, как не безнравственной мерой, т. е. силой же, а тут и пошли военные хитрости, штурм ночью и т. д.

Ясно, что приходится брать средний путь, назвать не совсем безнравственной меру - в сущности безнравственную, но где же тогда критерий? Один критерий остается - полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, - везде этот критерий для определения нравственного поступка. Да и какой другой может быть? Воспитание, инстинктивное отвращение, но ведь как мы себя переделываем? Во всем мы стараемся избавиться от инстинктивных побуждений и либо заменяем их побуждением, имеющим разумное основание, либо отрешаемся от них. Для меня лично это самый сильный довод...

Письма из Олекминско-Витимской экспедиции

Б. А. Милютину 1

1 Борис Алексеевич Милютин - редактор газеты «Сибирский вестник», издававшийся в Иркутске в 1864-1868 гг.

“ Милостивый государь, Борис Алексеевич.

Бывши в нынешнем году по поручению Сибирского отдела в экспедиции, снаряженной для отыскания скотопрогонного пути между Олекминским и Нерчинским округами, и зная, что многие интересуются ходом нашей экспедиции, я написал в Распорядительный Комитет 6 писем, в которых излагал ход наших занятий и набрасывал очерки той страны, по которой мы проезжали.

Эти письма не были напечатаны в свое время, но полагая, что читателям Вашей газеты небезынтересны будут те сведения, которые И. С. Поляков и я сообщили об этой малоизвестной стране, и не надеясь раньше, как через

несколько месяцев, обработать привезенные нами материалы и составить подробный отчет, я решаюсь послать Вам этим письма.

При этом я изложу сначала вкратце цель экспедиции.

В настоящее время золотые прииски Олекминской системы снабжаются скотом из Якутской области, преимущественно из Вилюйского округа. Так как этот скот проходит около 1000 верст по отвратительной таежной дороге, то обыкновенно он приходит на прииск в очень жалком виде, и мясо обходится довольно дорого.

Доставку экспедиции до Тихонозадонского прииска приняло на себя Ленское товарищество, которое довезло нас до Крестовской резиденции на па"возке, а оттуда до прииска на своих лошадях...

Попытки золотопромышленников найти удобный скотопрогонный путь в Забайкалье были неудачны, например, Ленское товарищество снаряжало даже экспедицию, которая думала идти через Нечатку и Лемберт, но вожак бросил ее, не дойдя даже до Нечатки.

Поэтому г-да золотопромышленники, именно Ленское товарищество, Витимское товарищество К. Трапезникова, обратились в Сибирский отдел с предложением взять на себя исследование этого пути и пожертвовали для этой цели 1500 руб. Впоследствии эта сумма оказалась недостаточной...

Сибирский отдел поручил эту экспедицию мне, прикомандировавши для ботанических и зоологических изысканий И. С. Полякова, а для съемки Генеральный штаб назначил Топографа г-на Машинского...

Путешествие по р. Лене

Если большие реки, служащие главными сплавными путями, везде имеют громадное значение для края, в котором они протекают, и для местностей, которые они между собой связывают, то почти нигде это значение не было и не есть до настоящего времени так велико, как в Восточной Сибири. Редкость населения, трудность сообщений везде, где бы вы ни отклонились хотя бы на несколько десятков верст от больших трактов, особенно в гористой стране; хребты, заросшие непроходимыми в полном смысле слова лесами; болотистые, мшистые пади, везде, даже в южной полосе Восточной Сибири, где только повыше поднимаются горы, - все это, вместе взятое, клонит к тому, чтобы, помимо промышленного значения, увеличить значение рек для Восточной Сибири. Летом они служат сплавными путями, зимой - единственным возможным трактом для сообщений между крайне отдаленными местностями. Таков в особенности Лена, как река, текущая с юга на север, из страны населенной и хлебородной - в дичь, в тайгу, и через тайгу - в тундру, в Якутский край, не производящий для себя хлеба, в Олекминский округ где промыслы, производящие сотни пудов золота, снабженные тысячами рабочих и лошадей, поглощают

громадное количество хлеба и всевозможных продуктов, доставленных из Иркутска или Иркутской губернии. И не одни рабочие и их управляющие прокармливаются продуктами, доставляемыми по Лене, - даже лошади и те кормятся овсом и сеном, доставляемыми по той же реке...

Оставляя в стороне вершины Лены, образующейся из многих ручьев, вытекающих из распадков Байкальского хребта, - вершин, посещаемых большей частью только зверовщиками, - я скажу о ней несколько слов с того места, где она примыкает к «тракту», где выезжают к ней из Иркутска, - с Качугской пристани, служащей местом отправления значительной части всех продуктов, сплавляемых по Лене.

Довольно быстро проплывши по Лене до устья большого ее притока Витима, я, конечно, принужден буду ограничиться немногими замечаниями, сделанными почти налету...

Добираясь до С. Качуга, находящегося на 240 верст к северу от Иркутска, проезжая по превосходной луговой плоской возвышенности, называемой Кубинской степью и населенной бурятами хлебопашцами, торопясь ко времени ярмарки, бывающей в Качуге около 9 мая, во время отправления барок и павозков, - человеку, впервые приехавшему в Сибирь и не присмотревшемуся к ее промышленности, можно было бы ожидать встретить в Качуге что-нибудь вроде оживленной торговой пристани, широкую реку, машины для загрузки, - вообще жизнь, и жизнь одушевленную, особенно если вспомнить о громадности края, снабжаемого всеми на Иркутской губернии.

Ничуть не бывало: вы едва замечаете ничтожную реку - Лену, через которую медленно ползет самолет¹; у одного берега плавают какие-то четырехугольные ящики, назначение которых не сразу угадает новичок; у другого - несколько десятков павозков в виде утюгов, на которых развиваются флаги и происходит мелочная торговля; на берегу - несколько тюков с товарами и тарантасы купцов, несколько десятков лавчонок, из которых в каждой можно найти все: кремни, сапоги, сахар, свинец, красные товары и пр. и пр.

1 Так называли в XIX в. паромы на реках.

Число барок, отправляющихся собственно из Качуга, незначительно, я насчитал тут не более 30 барок и от 40 до 50 купеческих павозков. Но кроме этих павозков, отплывает от вершин Лены значительное число других барок, строящихся и нагружающихся в деревнях ниже Качуга, в Верхоленске, а также по рекам, впадающим в Лену, - Илг и Кут, куда хлеб преимущественно доставляется из долины Ангары, более богатой хлебом, чем долина Лены...

Барки строятся чрезвычайно неуклюже из обтесанных топором досок; самая форма их четырехугольная делает управление ими чрезвычайно неудобным, да к тому же и средства передвижения невелики: сила 7-10 человек, владеющих двумя длинными веслами, кормовым и носовым...

Павозок - это род барки в виде утюга... Он поднимает от 1200 пудов груза. Выйдя на те места, где Лена уже достаточно глубока, павозки и барки счаливаются по две. Так и плывут уже в нижнем течении.

Кроме этих посуд для перевозки тяжестей, существуют два парохода, из которых один ходит по Витиму, а другой - по Лене...

Как только прибудет весенняя вода, все эти посуды, четырехугольные, пятиугольные, и утюгообразные, пускаются вниз по Лене; зевать не приходится, а то, упустивши весеннюю воду, пришлось бы ждать коренной, происходящей от таяния снегов и от летних дождей. В 1866 году весенней воды не было, и все эти посуды стояли на местах...

Берега Лены считаются страную гористою. Хотя оно не совсем правильно в физико-географическом отношении, так как в верхнем течении долина Лены просто углублена в высокое плоскогорье, в котором Лена промыла себе узкую щель, а побочные речки размыли себе глухие узкие пади, - но в разговорном языке оно справедливо. До Киренска вы плывете по узкой долине, над которой с обеих сторон высятся, часто вертикальные, утесы и большей частью крутые склоны гор, заросшие густыми хвойными лесами; вдоль берегов, с перерывами тянется узкая полоска наносов, тоже заросшая лесом - сосною, елью и лиственницей; местами попадаются острова, заросшие преимущественно тальником, также негодные для хлебопашества...

Хотя и принято считать Сибирь неисчерпаемым источником относительно леса и зверя, но, как все истощается при чрезмерном пользовании, так точно и зверь... Количество зверя заметно убывает, выживающие особи уходят все глубже и глубже в хребты и леса: подальше от населенных местностей...

Доставив на лодке приезжего, гребцы спешат сейчас же вернуться домой, зная, что раньше как в день не успеют сделать перехода, если только прибыла вода и «выиграли» речки. А нужно видеть, как они «играют»! Речку, которую вчера переходили посуху, сегодня со страшным трудом можно переехать вброд пешком; вода сбивает коня, которого приходится переводить на веревке; на дне вода ворочает громадные камни, готовые ударить по ногам коня, который, идя до половины брюха в воде, едва держится на ногах...

Для того, чтобы дать полное понятие о производительности ленской долины, нужно бы, во-первых, дать больше цифр, но официальные ненадежны, а для собираня неофициальных нужно больше времени, чем то, которым я располагаю; во-вторых, надо бы сказать о слюдяном промысле на Витиме, об извозничестве, но как я пишу не статистическое обозрение долины Лены, то довольствуюсь этими беглыми заметками, полагаю, что они могут дать некоторое понятие о великой реке, а также показать, сколько мы имеем в Сибири под боком у себя неисследованного, о чем желательно бы иметь более точные сведения.

29 мая прибыли мы в С. Витимское на устье Витима - небольшое село со множеством кабаков для обирания рабочих, возвращающихся с промыслов и служащее пребыванием нескольких лиц, торгующих всю жизнь с якутами и тунгусами; тунгусы уже бороздят Лену в берестяных лодках, в лицах русских виден якутский или тунгусский тип, но, остановившись ненадолго, мы поплыли дальше до «резиденции» золотопромышленников ленского товарищества Крестовской, откуда я и пишу настоящее письмо...

Тихонозадонский прииск на р. Ныгри, 26 июня 1866 г.

С 12 июня мы находимся в долине Ныгри, притока Вачи, на Тихонозадонском прииске Ленского товарищества. На днях пришли кони, предназначенные под экспедицию, находившиеся на Крестовской резиденции, и через несколько дней мы отправляемся в путь. Но прежде всего я вам скажу несколько слов о наших занятиях на пути до приисков и на приисках.

От Крестовской резиденции до Тихонозадонского прииска мы проехали 8 дней, сделавши в это время 250 верст, так как ехать тише было бы неудобно по многим причинам: пришлось бы отнимать и задерживать лишних людей и лошадей Ленского товарищества, взявшего на свой счет перевозку экспедиции до приисков; съемка же, сделанная по поручению Ленского товарищества чертежником Жаровым, была сделана, как говорили нам, довольно тщательно и с промером, то я решился не делать съемки на этом протяжении, а проехать его наскоро. При этом имел в виду, что наша съемка от прииска пересечет Витим в его низовьях и свяжется либо с каким-нибудь из астрономических пунктов г-на Шварца на Витиме, либо с его съемкою.

...Удаляясь от Лены, вы скоро вступаете в глухое лесистое предгорье, известняки постепенно становятся более и более кристаллическими, а потом скоро исчезают, сменяясь метаморфическими сланцами, преимущественно глинистыми гнейсами и гранитами. С этим вместе постепенно меняется и весь характер страны, покатоности становятся круче, пади глубже, реки быстрее несутся и ворочают большие камни, там и сям выступают отроги хребтов, забирающиеся за пределы вертикального распространения древесной растительности. Наивысшие точки мы встретили в вершинах, они образуют как бы часть цепи, идущей с ю.-з. на С.-в., высокий гребень которой еще белеет снегами, впрочем, вообще эти горы не поднимаются высоко; переезжая гольцы, если не самые высокие, но зато превосходимые немногими частями другого гребня, я нашел их всех приблизительно равными, около 1450 метров... Только один гранитный голец... как бы центр местного поднятия, возвышался еще метров на 300 над этими гольцами, но он составлял исключение, другие же вершины были почти все одинаковой вышины и невысоко поднимались над общим уровнем горной страны.

Но в этих гольцах вы не видите ни зубчатых вершин, ни каменистых гребней и т. п... как будто по циркулю вычерчены их контуры...

Шестидесятый градус широты на азиатском материке, при высоте от 600 до 900 метров и более, дает себя заметить в громадных наледях, накопляющихся по некоторым речкам. Простираясь во всю ширину пади, они тянутся иногда на несколько верст при средней толщине от 1,8 до 2 м... и доходят местами до 2,5 м... Вспомнив при этом, что на Ныгри, например, от наледи в 4,8 м едва осталось теперь 1,4 м, мы должны будем принять, что наледи к концу зимы достигают громадной толщины - до 9 м и это на протяжении 6-8 квадратных верст, даже и более, если не принимать в расчет небольших перерывов, успевших образоваться к началу июня.

По всему этому пространству мы не встретили никакого населения, кроме зимовщиков на зимовьях Ленского товарищества, зимой посещаемых чрезвычайно смелыми медведями. Тунгусы либо удалились, оттесняемые приисками, их жизнью и заведениями, либо принуждены были окончательно изменить свой образ жизни и род занятий и поселились ближе к приискам. Прежде при открытии приисков эта тайга изобиловала зверем не говоря уже о диких сев(ерных) оленях, но и соболя, и белки водилось множество; шум, рубка леса, прокладывание дороги, вырубка больших пространств, разъезды - все это было причиной удаления зверя. Вместе с этим прииски дали новые заработки тунгусам. Теперь они возят сено, на доставку которого заключают подряды, перевозят зимой на оленях тяжести, нанимаются жожаками. Если бы все это распространилось равномернее между тунгусами, то, быть может, вполне бы заменило звериный промысел, но, к сожалению, оно не так. Чтобы обеспечить себе доставку определенного количества сена, золотопромышленники заключают подряды с одним тунгусом, а тот, в свою очередь, раздает работу другим, причем, как везде, ему достается львиная часть дохода, прочие же остаются батраками, т. е. одни богатеют, обзаводятся домом, всеми принадлежностями русского быта, другие остаются в том же жалком положении, худшем еще потому, что теперь находятся в зависимости от отдельных личностей.

Впрочем оставляя этот предмет, о котором подробнее буду говорить впоследствии, когда лучше познакомлюсь с тунгусаим, буду продолжать далее.

Дорогой нам часто подолгу приходилось ехать тайгой, обнажений не видно, отлучаться же в сторону версты за две при густоте леса почти невозможно, а потому трудно составить себе понятие, какие породы залегают на этих пространствах. Часто для определения залегающей в данной местности породы приходилось пользоваться россыпями, которые если и дают понятие о том, из чего состоит данный кряж, зато не дают никакого понятия о взаимном расположении частей. Впрочем, я полагаю, что удастся составить петрографическую карту проеханной нами местности не очень подробную и не лишенную пробелов.

Время, проведенное на Тихонозадонском прииске, я посвятил изучению аллювия и разысканию возможных следов ледникового периода, вопрос, на который снова навело меня несколько явлений, тем более, что отсутствие следов ледникового периода в северо-восточной Азии всегда казалось мне довольно странной аномалией. Но хотя я и собирал все относившиеся до этого вопроса данные, тем не менее все-таки не мог прийти ни до какого положительного, определенного результата. Впрочем, я полагаю, что вам вообще не безынтересно будет выслушать беглый обзор фактов.

Во время наших переездов мы поднимались на довольно высокие гольцы, спускались в глубокие, разделяющие их пади, и я нигде не видел явных следов ледников. Правда, поверхности этих гольцов совершенно округлены, сглажены, а выходов на поверхность гранитов или гнейсов, на которых могли бы сохраниться следы ледников, и не видно даже, но где же делись бы морены, если бы они были отложены ледниками? Сколько я ни вглядывался, я нигде не находил их, а трудно предположить, чтобы все морены непременно были смыты реками. Если есть на гольцах какое-либо указание на следы ледников, то это выбоины в виде котлов глубиною до 3 дециметров и около 0,5 м в диаметре, попадающиеся

в довольно твердых гнейсах, но опять, с другой стороны, размеры их слишком ничтожны.

В других местах заставляли задуматься размеры, формы и положение некоторых валунов...

На Сергиевском прииске (по р. Хомолхо) я был удивлен, найдя тут обилие больших камней, имеющих одну или две поверхности как бы отполированные, исцарапанные и изборозжденные (это были преимущественно черные мелкокристаллические известняки и глинистые сланцы со слегка округленными углами)...

Вообще замечу, что борозды, попадающиеся на валунах, бывают большей частью все параллельны... нигде нет двух взаимно перпендикулярных борозд. Не есть ли это следы сдвигов, - думал я. - Едва ли, так как борозды бывают на плоскостях, пересекающихся под различными углами, и даже в таком случае следуют одному общему направлению.

Указывая на эти факты, которые... могут быть истолкованы и помимо действия ледников, я все-таки полагаю, что на них следовало бы обратить побольше внимания.

Съездивши на Вознесенский прииск, я попросил живущего там доктора К. А. Эйсмонта взять на себя вести в течение лета метеорологический журнал; он охотно взял на себя это труд, так что во время нашего пути (до конца августа) будет наблюдаться высота барометра, к которой можно будет отнести мои наблюдения во время пути. Тут же я нашел очень ценный материал - журнал, веденный с сентября 1858 г. по настоящее время г-ном управляющим этими приисками М. С. Игнатьевым...

Это, конечно, весьма полезный материал, особенно при недостатке сведений о стране от Киренска до Якутска...

Т(аким) о(образом), мы отправляемся на Мую, но если бы из Сибирского отдела было заблаговременно написано г-ну Киренскому, земскому исправнику, с просьбой приискать вожаков, то, конечно, мы имели бы уже вожака с Бомбуйко, старшине легче приискать знающего вожака, чем частному человеку; между тем витимские тунгусы, я твердо убежден в этом из разговоров с витимскими жителями и тунгусами, бывали на Эмурчене или знают тунгусов, живших на Ципе, которые бывали там. Мы же имеем вожака, взятого не из коренных витимских, а, скорее, из здешних, которые хорошо знают олекминскую систему, но не витимскую.

21 июня получена здесь почта из Иркутска от 7 июня и из Петербурга от 5 мая; между тем все-таки не получены мною инструменты.

Серафимовский прииск, 22 августа 1866 г.

Пишу вам с Серафимовского прииска, куда мы добрались вчера после 50-дневного странствования по тайге. Оказывается, т(аким) о(образом), что ваше предсказание сбылось; на устье Муи мы нашли тунгусов, возвращавшихся после сенокоса в наши края, к Баунту; из расспросов я убедился, что вместо того, чтобы делать крюк к востоку, к устью Бомбуйко, гораздо удобнее будет сделать другой небольшой крюк к западу (в верстах 80) и выйти на дорогу, по которой постоянно ходит скот из Читы...

Вы извините меня, если я не буду теперь подробнее писать про проеханный нами путь; вкратце не расскажешь, и пришлось бы исписать несколько листов...

Из 600 (приблизительно) верст, пройденных нами, можно насчитать только три действительно худых места: 1) - это подъем на голец в вершинах Чепко (в 20 верстах от Тихонозодонского прииска), подъем, который, как оказалось впоследствии, можно миновать, идя по Джегдалату и делая лишь верст 20 крюка; 2) - спуск с хребта, идущего вдоль Муи с северной стороны по р. Уксемукиту, где страшно каменисто и на 40 верст почти нет корма. Но как теперь оказывается, есть другой перевал через этот хребет, несравненно удобнее... Наконец, 3-е худое место - это Ципа, где мы встретили невылазные грязи и непроходимые болота там, где обыкновенно бывают превосходные луга. Но это происходит от необычайных дождей, которые в продолжение 2 недель шли, не переставая, в окрестностях Баунта, следовательно, от обстоятельства чисто случайного.

...Вообще теперь это дело находится уже в наших руках, подробно известен путь, и вожаки есть на примете, так что в конце концов, я надеюсь, что скот из Забайкалья будет ходить на Олекминские прииски...

Из Записок революционера 1

1 Записки, С. 110-137.

“ ...Пять лет, проведенные мной в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера. Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и с самым худшими, с теми, которые стоят наверху общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и копошится на последних ее ступенях: с бродягами и, так называемыми, неисправимыми преступниками. Я видел крестьян в их ежедневной жизни и убеждался, что мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Наконец, мои продолжительные путешествия, во время которых я сделал более семидесяти тысяч верст на перекладных, на пароходах, в лодках, главным образом, верхом - удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня также тому, как мало в действительности нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими футами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумках, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свеженарезанного молодого листвяка, человека чувствует себя удивительно независимым даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом или же покрытых глубоким снегом...

Сибирь - не мерзлая страна, вечно покрытая снегом и заселенная лишь ссыльными, как представляют ее себе иностранцы и как еще очень недавно

представляли ее себе у нас. Растительность Южной Сибири по богатству напоминает флору Южной Канады...

Постепенно я все более стал отдаваться научным исследованиям. В 1865 году я исследовал Западные Саяны. Здесь у меня прибавилось еще несколько новых данных для построения схемы орографии Сибири, и я также нашел другую важную вулканическую область на границе Китая, к югу от Окинского караула. Наконец, в 1866 году я предпринял далекое путешествие, чтобы открыть прямой путь из Забайкалья на Витимские и Олекминские золотые прииски. В продолжение нескольких лет (1860-1864) члены Сибирской экспедиции пытались найти этот путь и пробовали пробраться через параллельные ряды диких каменных хребтов, отделяющих золотые промыслы от Забайкальской области. Но когда исследователи подходили с юга к этим страшным горам, заполняющим страну к северу на несколько сот верст в ширину, все они (кроме одного, убитого инородцами) возвращались назад.

Ясно было, что попытку надо сделать с севера на юг - из страшной, неизвестной пустыни в более теплый и населенный край, и я так и решил сделать, т. е. плыть вниз по Лене до приисков и оттуда снарядить экспедицию на юг.

...Мы достигли устья реки Муи, откуда, переваливши еще через один высокий хребет (очень похожий на Саянский), путь лежал уже по плоскогорью.

На этот раз мы нашли путь с Олекминских приисков в Забайкалье. Три месяца мы странствовали по почти совершенно безлюдной горной стране и по болотистому плоскогорью, пока, наконец, добрались до цели наших странствований, до Читы. Найденным нами путем теперь гоняют скот с юга на прииски. Что касается до меня, то это путешествие значительно помогло мне впоследствии найти ключ к общему строению сибирских гор и плоскогорий...

Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли мог бы научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распростился навсегда.

Затем я стал понимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах, и понял значение этой строительной работы в росте общества...

Путем прямого наблюдения я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях - переселениях, войнах, выработке

форм общественной жизни. И я пришел к таким же мыслям о вождях и толпе, которые высказывает Л. Н. Толстой в своем великом произведении «Война и мир».

Воспитанный в помещичьей семье, я как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, причем каждая ошибка имела бы очень серьезные последствия, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания...

В возрасте от девятнадцати до двадцати пяти лет я вырабатывал всякие планы реформы, имел дело с сотнями людей на Амуре, подготовлял и выполнял рискованные экспедиции с ничтожными средствами. И если эти предприятия более или менее удавались, то объясняю я это только тем, что скоро понял, что в серьезных делах командованием и дисциплиной немногого достигнешь. Люди личного почина нужны везде: но раз толчок дан, дело, в особенности у нас в России, должно выполняться не на военный лад, а скорее мирским порядком, путем общего согласия. Хорошо было бы, если бы все господа, строящие планы государственной дисциплины, прежде чем расписывать свои утопии, прошли бы школу действительной жизни. Тогда меньше было бы проектов постройки будущего общества по военному - пирамидальному образцу.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 июля 2025 03:16:41

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 июля 2025 18:14:49